

ПОНЯТИЕ «СУБЪЕКТИВНОСТЬ» В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

THE CONCEPT OF "SUBJECTIVITY" IN KANT'S PHILOSOPHY

N. Tetenkov

Summary. The article is devoted to the problem of interpreting the concept of "subjectivity" in Kant's philosophy. The author aims to examine the main provisions of Kant's philosophy regarding the problem of subjectivity. Objectives of the article: to identify the main trends towards the interpretation of the concept of "subjectivity" of Kant in modern domestic and foreign historiography; consider the main tenets of Kant in relation to the concept of "subjectivity"; to identify the philosophical problems that have arisen as a consequence of the interpretation of the concept of "subjectivity" proposed by Kant.

Keywords: German classical philosophy; Immanuel Kant, transcendental subjectivity.

Тетенков Николай Борисович

К.ф.н., доцент, Северный Арктический федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск,

Россия

tenibo@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме интерпретации понятия «субъективность» в философии Иммануила Канта. Автор статьи ставит целью рассмотреть основные положения философии И. Канта в отношении проблемы субъективности. Задачи статьи: выявить основные тенденции к интерпретации концепции «субъективности» Канта в современной отечественной и зарубежной историографии; рассмотреть основные постулаты Канта в отношении понятия «субъективность»; выявить философские проблемы, которые возникли как следствие предложенной Кантом интерпретации понятия «субъективность».

Ключевые слова: немецкая классическая философия; Иммануил Кант, трансцендентальная субъективность.

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что понятие «субъективность», сформулированное в философии И. Канта, вызывает и по сей день множество интерпретаций и дискуссий в философии. Началом возникновения феноменологического подхода к анализу понятия «субъективность» принято считать классическую гносеологию XVII — XVIII веков. С позиций нашего исследования важно понимать, что в классической гносеологии понятие субъективности рассматривалось как проблема единства сознания, превращаясь таким образом в проблему единства явления сознания и его понятия [12, с. 26].

Следует отметить, что подобная трактовка понятия «субъективность» отражает общую тенденцию в философских течениях рационализма и эмпиризма, а также характерна для теорий самосознания немецкой классической философии. Философской проблеме «субъективности» посвящены работы Декарта и Спинозы, Гоббса и Локка, Лейбница и Юма, Фихте, Шеллинга, Гегеля и Фейербаха, однако наиболее концептуальный подход к разработке данного понятия представлен в трудах Иммануила Канта, причем именно его трактовка данного понятия вызывает до сих пор множество различных интерпретаций.

В отечественной историографии вопроса следует выделить работы таких авторов, как Е. Н. Коновалова, А. М. Положенцев, С. Н. Ставцев, которые приводят различные интерпретации понятия субъективность с позиций традиции русской философии: от рефлексивной субъективности Декарта до трансцендентальной

субъективности Канта, в современной отечественной историографии преобладает гносеологический подход к трактовке субъективности: понятие «субъект» рассматривается в оппозиции к «объекту» как к объективной действительности.

В зарубежной историографии, с точки зрения фундаментальности исследования проблемы, представляет собой особый интерес работа Эндрю Боуи «Эстетика и субъективность: от Канта до Ницше», в которой подробно рассматривается позиция и аргументация Канта по поводу возникновения и трансформации «субъективного» как феномена сознания [14].

Собственно, онтология «субъективности» практически не получила освещения в зарубежной истории философии, вероятно, в силу того, что само явление в итоге претерпело редукцию до понятия «сознание» благодаря интерпретациям философских постулатов Фихте и Гегеля. Возможно, именно поэтому само метафизическое основание классической субъективности, которое представлено тождеством мышления и бытия (Декарт) и тождеством мышления и воли (Гегель), стало интерпретироваться как общефилософский принцип. Фактически только Кант в своих философских построениях впервые разграничил понятие «Я» и внутреннее чувство, понятие и явление, поставив тем самым под сомнение тождество «мышления и бытие», а следовательно, и рефлексивную интерпретацию понятия «субъективность».

В силу изложенной актуальности темы нам представляется важным снова обратиться к интерпретации кон-

цепции трансцендентальной субъективности Канта, что позволит раскрыть основные характеристики понятия «субъективность», которые были сформулированы философом в качестве аргументов его полемики с Декартом и его философской системой.

Трансцендентальная субъективность появляется в трудах Канта в связи с его утверждением о том, что «я думаю» сопровождает все представления личности о внутреннем и о внешнем мире [5, с. 75]. Кант называет это «единством восприятия» [9, с. 837], «субъектом» [4, с. 279] и «трансцендентным единством самосознания» [3, с. 387].

На первый взгляд, все перечисленные термины относятся к субъективности, поскольку это условие возможности мышления и суждения, однако ключевой проблемой при понимании исследуемой категории трансцендентальной субъективности является то, что условия мышления не могут быть известны в соответствии с собственной теорией Канта, который утверждает о беспочвенности метафизических утверждений о мире за пределами знания [6].

Утверждения такого рода, которые сам Кант категорически отвергает, относятся к сфере рациональной психологии. В это ключе некоторые исследователи полемизируют с философом, указывая на то, что «Кант вводит воображаемый предмет трансцендентного в психологию с помощью необоснованных метафизических спекуляций» [13, с.597]. Более того, В. Ф. Бристоу сравнивает трансцендентный субъект Канта с декартовой субстанцией, которая представляет собой нечто отличное от мышления, но при этом имеет способность мыслить [15, с. 556]. Такая сущность, по мнению В. Ф. Бристоу, «не может быть известна Канту, так как этот феномен существует за пределами мысли — и все же, Кант делает предположения об этом феномене» [15, с. 558].

Другая попытка интерпретации суждений Канта о «субъективности» принадлежит М. Р. Стивенсону, который интерпретирует «я думающее» как «субъект мышления, который не является отдельным индивидом и не является ноуменом за пределами мысли или феноменом, удерживаемым в мысли» [18, с. 65]. Скорее, именно функция или деятельность мышления как такового, как утверждает М. Р. Стивенсон, «систематически неуловима» и потому не может быть известна [18, с. 67]. Согласно исследователю, «человек может знать лишь то, как люди должны воспринимать себя как познающих и действующих лиц, как они должны понимать себя и свою собственную деятельность» [18, с.68].

Таким образом, М. Р. Стивенсон противоречит утверждениям В. Ф. Бристоу о том, что Кант пытается что-то

сказать об объекте, который существует вне мышления и поэтому не может быть известен. Интересно, однако, что целый ряд исследователей единодушны во мнении о том, что такой ноумен как условие мышления должен быть логическим или фактическим субъектом мышления, деятельности или сущности, которая осуществляет мышление [14, с.358].

Исследователи также согласны с тем, что такой ноумен не может быть известен в соответствии с теорией Канта. Поскольку всему, что сделано, как объекту мышления дается форма категорий, невозможно узнать или описать предмет таким, какой он есть, вне категориального мышления (и если Кант делает это с точки зрения умственных способностей или иным образом, он противоречит сам себе) [16].

Хотя эти наблюдения не лишены оснований, необходимо отметить, что в тексте философских трудов Канта можно найти и другой способ прочтения проблемы субъективности, который не использовался в дискуссии большинства современных зарубежных исследователей. Дело в том, что субъективность была основным принципом теории Канта, «утвердившим первенство эпистемологии как теории идеального субъекта, который предшествует всем понятиям эмпирической или позитивной науки о бытии» [14, с. 116]. Далее в неокантианстве происходит попытка найти окончательную основу действительных суждений. То, что обеспечивает эту основу, является универсальной и единой структурой мышления, которую можно назвать «трансцендентальной субъективностью». Проблема в том, что трансцендентальный субъект Канта не должен пониматься ни психологически, ни метафизически, а только как единство категорий, поскольку «не сознание, а законы, которые регулируют его единство и делают понятие трансцендентальной субъективности первичным» [17, с.45–46].

В этом смысле понятие «субъективность» повторяется в разных формах в трудах многих философов неокантианского направления. Именно поэтому, на наш взгляд, понимание философской интерпретации понятия «субъективность» Канта зависит от научной «легитимности» определенных различий в массе иных, близких по смыслу понятий. Однако эти различия крайне трудно уловить. Например, «трансцендентальная эстетика» как описание условий восприятия, опирается, например, на разницу между «эмпирической интуицией» и концепциями, которые ее оценивают [14, с. 219].

Отметим, что именно англоязычная философия стала использовать технический термин «интуиция» для перевода немецкого слова «Anschauung», которое играет решающую роль в философии Канта. Слово имеет несколько смыслов, которые не всегда тождественны. В по-

вседневном использовании «Anschauung» просто означает «смотреть на что-либо», но в философии термин часто используется для обозначения различных видов контакта между субъектом и «другим». Кант рассматривает интуицию как наиболее непосредственную форму отношения познания субъекта к объекту, которая «имеет место только в той степени, в которой этот объект нам дан» [6], приравнивая такой объект с чем-то «реальным». По мнению Канта, «существование ... связано ... только с вопросом: дается ли нам такая вещь таким образом, чтобы восприятие вещи всегда могло предшествовать концепции. Ибо понятие, предшествующее восприятию, означает лишь его простую возможность; но восприятие, которое дает материал для концепции, является единственным характером реальности» [6, с.273].

Таким образом Кант закладывает основу для различия между явлениями, объектами, данными нам, и вещами в себе, которые не даны нам в качестве явлений. Вопрос в том, как «внутри» и «снаружи» связаны друг с другом, и здесь Кант все превращает в статус «интуиции».

Основным примером интуиции является ощущение твердости куска камня, однако Кант отделяет подобные эмпирические интуиции от того, что он называет «чистой интуицией», которая связана с «расширением и формой» объекта и является основой геометрии. «Чистая интуиция» относится к структуре, в которой мы обязательно постигаем вещи. Есть две формы чистой интуиции: пространство и время. Мы не можем представить объект чувств, который существовал бы в непространственной и невременной форме: мы никогда не можем постичь весь объект сразу, хотя мы предполагаем, что все аспекты объекта существуют в определенное время [5].

Согласно Канту, мы можем, однако, представить себе функции мышления, которые не являются пространственными и невременными, а именно те аспекты мышления, которые являются полностью неэмпирическими, включая категории [4].

Кант полагает, что категории являются формами суждения, синтеза, которые универсально применимы ко всему, что может считаться объектом (который должен быть одним или несколькими, определенного размера, находящимся в определенном отношении к другим объектам и т.д.). Например, чтобы воспринимать последовательность событий как причинную, требуется особая форма синтеза, обозначенная категорией причинности [4]. Например, согласно Канту, можно видеть, что «субъект следует за временем (на основе непрерывности «Я» между двумя событиями), но нельзя увидеть необходимость этого события, которое делает его при-

чинным, а не случайной связью между случайными событиями [5].

Таким образом, категории делают возможным синтез интуиции, который превращает интуицию в надежный инструмент познания. При этом, согласно «Критике чистого разума», познание имеет два различных источника: «восприимчивая» чувственность, которая обеспечивает интуицию, и «спонтанное» понимание, которое может мыслить объекты как объекты знания, применяя итерлируемые категории, такие как причинность, и концепции к различным интуициям [6].

Первым этапом создания последовательности из множества чувственных интуиций является эффект *Einbildungskraft* («воображение»). Воображение — это способность организовывать интуитивные образы в то, что Кант называет «схемами», которые затем можно отнести к категориям и понятиям. По мнению Канта, далее «воображение» создает ассоциации, которые сливаются во что-то познаваемое, и способно воспроизводить интуицию без присутствия объекта интуиции. Воображение в этой версии кажется продуктивным и восприимчивым, что уже позволяет говорить о двусмысленности в отношении фундаментального различия между интуицией и концепциями. Производительность — это функция понимания, которая необходима для любого синтеза интуиции; восприимчивость является характеристикой чувственного восприятия [6].

Интересно, что в своей «Метафизике нравов» Кант меняет роль воображения, чтобы поддерживать границу между тем, что мы вносим в понимание мира, и тем, что делает мир, подчиняя репродуктивное воображение функционированию категории понимания [7]. Можно предположить, что в последующем Кант планировал (но не успел сделать этого) убрать известное описание воображения как «слепой, но незаменимой функции души, без которой у нас не было бы знания» [6, с. 78] и заменить его утверждением о том, что весь синтез основан на понимании [7].

На наш взгляд, понятие субъективности в философии Канта тесно связано с проблемами, кроющимися в идее о границе между спонтанностью и восприимчивостью, поскольку именно они становятся наиболее очевидными в решающей части изложения Кантом структуры субъективности — в попытке «Я» описать самое себя. Именно эта проблема — «трансцендентальный вывод категорий» [7], будет иметь большое влияние на немецкий идеализм и ранний романтизм и, следовательно, на историю всей философии.

Еще одна проблема состоит, на наш взгляд, в том, что высший принцип философии, «Я», не может быть досту-

пен как «интуиция» в том смысле, в каком его использовал Кант. Чтобы преодолеть ключевую проблему Кант вводит идею, что «Я-мыслящий», должен быть в состоянии сопровождать все мои представления» [6, с.132]. Данную идею Кант называет «синтетическим единством самосознания», потому что различные моменты сознания объединены основным принципом. Он противопоставляет это синтетическое единство cogito Декарта, «аналитическому единству самосознания», в котором мышление и бытие субъекта сразу же становятся идентичными, хотя только в тот момент, когда «Я» сомневается в своем существовании [14]. Таким образом, мы можем сказать, что непосредственное «картезианское» осознание себя, которое может сопровождать каждую мысль и которое делает ее моей мыслью, не связывает это частное «я думаю» с любым другим случаем «я думаю». Только посредством синтеза различных моментов такого сознания «я» может осознавать идентичность своего собственного самосознания во времени и соблюдать принцип единства для своих представлений. По мнению Канта такой синтез зависит от акта «спонтанности»: синтез «самопричинен», а не вызван чем-то другим [6, с.133].

Иными словами, если бы это было результатом чего-то другого, то задача заключалась бы в том, чтобы обосновать это «что-то» еще в чем-то другом как его причину, и так далее; либо до тех пор, пока не будет найдена первая причина, либо до бесконечности, и в этом случае синтез никогда не произойдет, и самосознание — и знание — станет невозможным.

Следовательно, рассматриваемая спонтанность сама по себе не может быть частью чувственности, потому что все чувственное является частью причинно-детерминированного мира, данного интуицией. То, что дается в чувственной интуиции, синтезируется пониманием в соответствии с правилами суждения — категориями, что Кант и пытается узаконить в трансцендентальной дедукции [6, с. 275].

Это означает, однако, что идентичность сознания на самом деле, кажется, зависит от множества интуиций, которые оно синтезирует в соответствии с предшествующими правилами понимания. В добавленном позже отрывке «опровержения идеализма» Кант утверждает, что «даже наш внутренний опыт, который был несомненен для Декарта, возможен только при условии внешнего опыта» [6, с. 275].

Тем не менее, Кант также утверждает, что сам процесс синтеза — это то, что позволяет «Я» идентифицировать себя: «Только благодаря тому, что я могу постичь множество [представлений] в одном сознании, я называю их всеми своими представлениями», потому что в противном случае у меня была бы личность, которая была бы

столь же разноцветной, как и мои идеи, которые я осознаю» [6, с. 134]. Проблема, конечно, в том, что здесь нет объяснения того, что делает эти представления «моими» — то есть субъективными. Однако идентичность «Я», безусловно, должна быть установлена независимо от бесконечной разницы в том, что ему дано в качестве объектов. Таким образом, «Я» как трансцендентальная субъективность, с точки зрения Канта, представляет собой набор связанных когнитивных правил, которые превращают интуицию в единство опыта и имеют «синтетическое единство». Возникает вопрос, если следовать логике рассуждений Канта, «что «я» знает об этом «я»?

Кажется, что ответ Канта сводится к тому факту, что доступ к нашему самосознанию может быть только того же порядка, что и наша интуиция объектов: «Не сознание определяющего, а скорее только самосознание, которое может быть определенным, т.е. моей внутренней интуицией (в той степени, в которой ее многообразие может быть связано в соответствии с общим условием единства восприятия в мышлении), является объектом» [6, с. 407].

В итоге, однако, возникает новая проблема: синтетическое единство «Я» не гарантируется нашим эмпирическим восприятием, потому что оно вызвано самим собой, хотя Кант утверждает, что эмпирическое восприятие является необходимым условием познания. Кант говорит о «чистом синтезе понимания, которое является априорной основой эмпирического синтеза» [6, с. 140].

В других работах Кант затем прилагает значительные усилия, чтобы опровергнуть аргумент о том, что «Я» следует рассматривать как какое-либо постоянное «вещество», к которому прикреплены атрибуты, но не продвигается дальше в решении основной проблемы. Если я хочу познать себя, мне нужно использовать условие познания самого себя, которое вызвано самим собой, но я могу использовать его только по отношению к своему появившемуся «я», к моим представлениям о себе и мире, которые Кант настаивает, что я не создаю. Самосознание в конечном счете не является познанием самого себя, потому что познание возможно только в отношении того, что дано как видимость. Таким образом, даже для Канта «отражение» себя как объекта, разделение себя на субъект и объект не может дать полного представления о природе самосознания. Полное «познание» самого себя должно быть интуицией чего-то, что целиком находится в сфере «вразумительного», «царства спонтанности». Это повлечет за собой самопровозглашенную интуицию самопричиненного синтеза интуиции, которая требует «интеллектуальной интуиции». Отметим, что Кант отвергает это понятие применительно к самости, потому что оно противоречит его аргументу о том, что интуиция без концепций слепа, а концепции без интуиции пусты. Это означает, что идентичность «Я»

зависит от наличия интуиции, данной ему для синтеза. Кант рассматривает интеллектуальную интуицию как способ осознания божества, которое создает объекты его мысли, а не полагается на вход извне в качестве материала своей мысли. Фрэнк резюмирует возражение Канта об интеллектуальной интуиции следующим образом: «Весь вывод о возможности объективного познания стал бы излишним, если бы Кант принял разум, который создает свой объект из своих собственных сил» [14].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что разум, который, по мнению Канта, он может описать, представляет собой объективную истину, а не существование объекта, посредством использования его синтетических сил по отношению к возникающему пространственно-временному миру. Тем не менее, правдивость предмета недостаточно четко сформулирована

в таком изложении. Высшая когнитивная точка философии не может знать себя, даже если она должна принять необходимость своего собственного существования. В «Паралогизмах» Кант утверждает, что «суждение, я думаю, или я существую как мышление, является эмпирическим суждением» [14, с.217]. Эмпирические суждения требуют интуиции, если то, что они выражают, должно быть реальным, но какая интуиция у меня сама по себе? Далее Кант утверждает, что «представление апперцепции, «Я» на самом деле «есть не что иное, как ощущение существования без малейшего понятия и только представление того, к чему относится все мышление» [6, с. 106]. Таким образом, в своей трактовке понятия «субъективность» Кант сталкивается с серьезной проблемой использования самосознания как высшего принципа эпистемологии, и та же проблема повторяется в его моральной философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова М. Ф. Мистерия логики и тайна субъективности: О замысле феноменологии и логики у Гегеля. — М.: Наука, 1996. — 238 с.
2. Кант И. Всеобщая естественная теория и история неба // Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 1. С. 113–260.
3. Кант И. Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога // Там же. С. 383–498.
4. Кант И. Критика практического разума // Соч. в 4 т. на немецком и русском языках / отв. ред. Н. Мотрошилова и Б. Тушлинг. М., 1997. Т. 3. С. 277–733.
5. Кант И. Критика способности суждения // Там же. 2001. Т. 4. С. 69–833.
6. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на русский и европейские языки. М., 1998.
7. Кант И. Критика чистого разума. — М.: Наука, 1998. — 655 с.
8. Кант И. Метафизика нравов // Соч.: в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М., 1965. Т. 4, ч. 2. С. 107–438.
9. Кант И. Первое введение в «Критику способности суждения» // Соч. в 4 т. на немецком и русском языках / отв. ред. Н. Мотрошилова и Б. Тушлинг. М., 2001. Т. 4. С. 835–957.
10. Коновалова Е. Н. Иммануил Кант и развитие идеи субъективности в русской духовно-академической философии. // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2010. -С.58–63.
11. Положенцев А. М. Основная идея Канта. // Кантовский сборник. 2010.
12. Ставцев С. Н. Проблема субъективности в трансцендентально-феноменологической традиции // Формы субъективности в философской культуре XX века. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.26–51. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/stavcev-sn/problema-subektivnosti-v-transcendentalno-fenomenologicheskoy-tradicii>
13. Baumann Ch. Kant, Neo-Kantians, and Transcendental Subjectivity. *European Journal of Philosophy*. Volume25, Issue3. September 2017. P. 595–616.
14. Bowie A. *Aesthetics and subjectivity: from Kant to Nietzsche*. Second edition. Manchester University Press Manchester and New York Distributed exclusively in the USA by Palgrave. 354 p.
15. Bristow W. F. Are Kant's Categories Subjective? *Review of Metaphysics* 55 (3)2002. P. 551–580.
16. Li Zehou. *The Philosophy of Kant and a Theory of Subjectivity*. The Yearbook of Phenomenological Research book series (ANHU, volume 21) URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-94-009-4596-8_7
17. Mehmet Atalay. *Kant's Aesthetic Theory: Subjectivity vs. Universal Validity*. *Percipi* 1 (2007). P. 44–52 URL: http://www.personal.ceu.hu/percipi/archive/200701/05_atalay.pdf
18. Stevenson M. R. *Subjectivity and Selfhood in Kant, Fichte and Heidegger*. COLUMBIA UNIVERSITY. 2012. 285 p.

© Тетенков Николай Борисович (tenibo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»